

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 198–205. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 198–205. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09"19"

EDN HACUEZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-198-205>

СПИРИТИЗМ И ФРАНЦУЗСКИЙ ПОПУЛЯРНЫЙ РОМАН «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения, Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия, ktchekalov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются варианты присутствия спиритической и оккультной тематики в массовой литературе «прекрасной эпохи» во Франции. Показаны значимость спиритизма для культуры повседневности середины XIX века и возобновление соответствующей моды в указанный период. В 1880–1900-х гг. наряду с публикацией трудов теоретического характера наблюдается превращение спиритических практик (в первую очередь – столоверчение) в элемент светского увеселения. Спиритические практики, воспринятые представителями массовой литературы прежде всего как ресурс удержания читательского интереса, нередко становились предметом критичного, ироничного или прямо пародийного изображения. Указанная тематика инфильтруется как в традиционные модификации популярного романа, так и в сформированную в период «прекрасной эпохи», снискавшую большой успех у публики новую область массового чтения – «роман научных чудес». Наряду с космической фантастикой, уделявшей большое внимание оккультной и спиритической атрибутике и образности, данный нарративный ресурс с успехом внедряется в романы, посвященные вторжению необычайного в повседневный быт.

Ключевые слова: спиритизм, оккультизм, медиум, столоверчение, роман научных чудес, роман-фельетон, «прекрасная эпоха».

Для цитирования: Чекалов К.А. Спиритизм и французский популярный роман «прекрасной эпохи» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 198–205. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-198-205>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Государственного задания РАНХиГС, тема 10.8-2025-1 «Между традицией и новацией: память культуры в контексте историко-литературных исследований».

Research Article

KARDECIST SPIRITISM AND THE FRENCH POPULAR NOVEL OF THE “BELLE ÉPOQUE”

Kirill A. Chekalov, DSc in Philology, Chief Researcher of the Department of Classical Literature of the West & Comparative Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Science; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia, ktchekalov@mail.ru

Abstract. The article examines the presence of spiritist and occult themes in mass literature of the “Belle Époque” in France. It highlights the significance of spiritism for the culture of everyday life in the mid-19th century and the revival of this trend during the specified period. In the 1880s–1900s, alongside the publication of theoretical works, there was a transformation of spiritist practices (primarily table-turning) into an element of social entertainment. Spiritist practices, perceived by mass literature figures primarily as a means of maintaining reader interest, often became the subject of critical, ironic, or outright parodic representation. This theme infiltrates both traditional modifications of the popular novel and the newly established genre of mass reading during the “Belle Époque” – “the novel of scientific miracles”, which achieved a great success with the public. Alongside space science fiction, which paid significant attention to occult and spiritist attributes and imagery, this narrative resource is successfully integrated into novels dealing with the intrusion of the extraordinary into everyday life.

Keywords: Kardecist spiritism, occultism, medium, table turning, novel of scientific miracles, feuilleton, “Belle Époque”.

For citation: Chekalov K.A. Kardecist spiritism and the French popular novel of the “Belle Époque”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 198–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-198-205>

Acknowledgements: The article is prepared within the framework of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, theme 10.8-2025-1 “Between tradition and innovation: cultural memory in the context of historical and literary investigations”.

В своем исследовании «Русская литература начала XX века и оккультизм» Н.А. Богомолов отмечает: «...уже вполне общим местом стало представление о том, что возникновение европейского модернизма, особенно во Франции, не просто хронологически совпало с так называемым “оккультным возрождением”, а в значительной степени было им определено. Интерес к самым разнообразным формам экстраординарного познания оказался чрезвычайно велик прежде всего во Франции, где авторитетные оккультисты были одновременно и незаурядными писателями» [Богомолов: 5].

Оккультная тематика, активно присутствовавшая во французской литературе на протяжении всего XIX века, приобретает особую значимость именно во время «прекрасной эпохи». В интересующий нас период возникла необходимость привести трансцендентную составляющую массового сознания в соответствие с новыми научными и техническими достижениями, в значительной мере ревизирующими традиционную картину мира и характерными для конца XIX – начала XX века. Что касается собственно спиритических представлений и практик, то они получили распространение во Франции начиная с середины девятнадцатого столетия; решающую роль здесь сыграло американское влияние («modern spiritualism»); о соотношении терминов «спиритуализм» и «спиритизм» см.: [Cuchet: 75–76]. Сам термин «спиритизм» был предложен основоположником учения, парижским педагогом и мыслителем Алланом Кардеком (1804–1869), автором «спиритической библии» «Книга духов» (1857). Демонстративно причисленный в первом издании энциклопедического словаря «Ларусс» (1876) к разряду ментальных расстройств [Andrea: 12], спиритизм постепенно стал одним из ключевых культурных феноменов эпохи и важным элементом оккультного знания, хотя некоторые приверженцы эзотерических идей решительно отказывались признавать его значимость (так, по мнению близкого к розенкрейцерам оккультиста и алхимика Франсуа Жолливе-Кастело, «спиритизм – грубая экспериментальная форма Оккультного Знания и Герметической Философии»¹). Да и Ж. Гюисманс в известном, позиционировавшем себя как «исследование современного сатанизма» декадентском романе «Там, внизу» (1891) крайне резко отзывается о спиритизме; позднее известный оккультист XX века Р. Генон опубликовал книгу «Заблуждения спиритов» (1923). Тем не менее на уровне «культуры повседневности» интересующего нас периода разграничение оккультизма и спиритизма представляется нерелевантным.

В 1886 году французский врач Поль Жибье совместно с американским медиумом Генри Слейдом провел в Париже серию экспериментов, связанных с «автоматическим письмом»; послания с того све-

та Жибье воспроизвел в своей опубликованной годом позже книге, само название которой выглядит симптоматичным: «Спиритизм, или Западный факиризм» [Gibier]; тем самым фактически устанавливалось полное соответствие между восточным факиризмом и западным спиритизмом.

Проявлением всплеска интереса к спиритизму в период «прекрасной эпохи» можно считать также переиздание в 1888 году впервые опубликованного в 1854 г. трактата Аженора де Гаспарена «О вращающихся столиках, сверхъестественном в целом и духах» (подробнее об этой книге см.: [Marécaille: 229]). Второе издание вышло под упрощенным названием «Вращающиеся столики» [Gasparin]; редукция была явно направлена на фокусировку инструментального аспекта спиритизма (вращающиеся столики как модный материальный атрибут светского времяпровождения).

Кого имеет в виду отечественный исследователь под «авторитетными оккультистами» и одновременно «незаурядными писателями»? Скорее всего, Станисласа де Гуайта (1861–1897) и Жозефена Пеладана (1858–1918); первый из них наряду с трактатами сочинял стихи в духе символизма (о влиянии спиритизма на поэзию второй половины XIX века см.: [Andrea: 15–17]), а второй является одним из крупнейших прозаиков декаданса. Что касается Аллана Кардека, то он художественных сочинений не писал.

Особое место в ряду «авторитетных оккультистов» должно быть отведено, на наш взгляд, Камиллу Фламариону (1842–1925), астроному, прозаику, популяризатору науки и мыслителю. Наряду с Пеладаном, и притом значительно раньше последнего, Фламариону удалось сделать своего рода властителем дум французов, причем в самых разных социальных кругах. Его сочинения сыграли исключительно важную роль в насыщении французского научного романа фантастическими элементами и мистической проблематикой. Как указывает современный исследователь, «спиритуалистская поэтическая философия, которую проповедовал Фламарион, хотя и питалась достижениями экспериментальной науки, явным образом порывала с рационалистической традицией. Она была нацелена на трансцендирование всех без исключения наук, а также и философских и религиозных систем» [Chaperon]. Это позволило Фламариону еще в 1860-е годы прослыть «одним из ученихших светочей мысли» [Dazur: X, note 1]. В 1885 году вышла книга Феликса Фабара «Философская и политическая история оккультизма», предисловие к которой было написано Фламарионом [Flammariou]. В предисловии устанавливалась связь между оккультным знанием и астрономией, гипнотизмом, спиритизмом, а также техническими новинками своего времени, включая телеграф и телефон.

Следует подчеркнуть, что Фламарион обращался не только к специалистам и ученой аудитории, но и – в еще большей степени – к массовой публике. Неутраченный пропагандист астрономии, он разнообразил жанровую палитру: здесь и звездные атласы, и чисто научные компендиумы, и адресованные широкой публике очерки («Астрономия для дам», 1903), и художественная проза. Славу ему снискали не только трактаты «Множественность обитаемых миров» (1862–1864; написан под значительным влиянием «Книги духов») и имевшая еще больший резонанс «Популярная астрономия» (1879–1880), но и романная продукция: «Уrania» (1889), «Конец света» (1893–1894), «Стелла» (1897), где нередко воспроизводятся уже сформулированные прежде в трактатах идеи и где писатель дает волю своему воображению.

Что касается практического спиритизма, то в своих художественных сочинениях Фламарион этой темы не касался. Между тем известно, что он, особенно в молодые годы, был привержен спиритическим практикам и посещал кружки спиритов (сохранилась фотография 1898 года, где Фламарион запечатлен сидящим за столиком рядом с известным медиумом Эвсапией Паладино, к которой с большим уважением относились также Пьер и Мари Кюри). В 1892–1895 годах автор «Популярной астрономии» присутствовал при экспериментах, проводившихся Альбером де Роша (впоследствии автором книги «Экстериоризация чувствительности: экспериментальный и исторический очерк», 1899) в Политехническом училище. Упомянутые эксперименты должны были продемонстрировать, что вокруг человеческих тел существует живая атмосфера [Prieur: 167]. Кроме того, по несколько анекдотическим воспоминаниям внучатой племянницы Фламариона, он и сам занимался медиумическими практиками, а по современной терминологии – владел телекинезом: «...стоило ему положить руки на табурет, как тот подсказывал и принимался лихо выплясывать по всей гостиной; стоило немалых трудов следовать за ним» [Prieur: 168]. Обычно подобным манипуляциям подвергались массивные деревянные столы – «они подпрыгивали, двигались по комнате, наклонялись и даже левитировали» [Ахмедова: 313], так что автор данного свидетельства вольно или невольно принижает медиумический потенциал знаменитого астронома. В дальнейшем, летом 1899 года, между спиритами и Фламарионом произошла серьезная размолвка: последний приписал спиритическим феноменам естественное происхождение и указал на самовнушение как главнейший их источник. Ситуация несколько смягчилась после выхода в свет книги Фламариона «Неведомое и психические проблемы» (1900).

Кроме указанных выше авторов, к интересующей нас проблематике в период 1880–1900-х годов обра-

щались такие писатели, как Леон Энник (исторический роман «Характер», снабженный в первом издании подзаголовком «спиритический роман», 1881), Марсель Швоб (сборник новелл «Двойное сердце», 1891), первый из лауреатов Гонкуровской премии Джон-Антуан Но (роман «Генния», 1906) и Поль Адан (роман «Огни шабаша», 1907); все они, в соответствии с «табелью о рангах» своего времени, относились к «высокой» литературе, к творцам «литературного романа» («roman littéraire»).

Основной же массив прозаических сочинений тех лет, связанных со спиритизмом и оккультизмом, относится к массовой словесности («roman populaire»). Именно к этому пласту нам теперь и хотелось бы обратиться. Некоторые из книг на спиритическую тему, пользовавшиеся в свое время популярностью, оказались ныне библиографическими раритетами и не могли быть нам доступны. Более обширный материал, относящийся к популярному роману, рассмотрен в фундаментальном труде Патриции Д'Андреа [Andrea: 278–282] и в двух статьях критически настроенного по отношению к этому труду Кристофа Марекайля [Marécaille].

С учетом жанрово-стилистической разветвленности популярного романа «прекрасной эпохи» соответствующая тематика могла облекаться в различные формы. Так, она находит свое отражение в популярном нарративе традиционного, сентиментально-авантюрного толка, чему примером «Семья Эрнадек» литератора и естествоиспытателя Эдуара Гримара (1827–1909). Это тот самый «ученый-ботаник Гримар», парадоксальное мнение которого об Австралии цитирует Паганель в «Детях капитана Гранта» (часть 2, глава 9). Его «спиритический роман» (авторская дефиниция) в 1900–1901 годах печатался на страницах известнейшего, основанного Кардеком журнала «Revue spirite» и изначально воспринимался в соответствующих кругах как отвечающий канонам учения. Действие «Семьи Эрнадек» разворачивается главным образом на территории Бретани – в местности, которая традиционно воспринимается французами как средоточие мистического начала и колыбель древних легенд. Прибывая из Парижа в старинный, исполненный таинственности замок Плогоф (нынешний департамент Финистер), главный герой, Робер де Вальдром, знакомится с главой семьи, старым моряком Алланом Эрнадеком (аллюзия на Аллана Кардека более чем прозрачна), его сыном Эрве (наделенным медиумическими способностями) и его дочерью, которая считает себя реинкарнацией галльской жрицы Веледы; она становится духовной наставницей и предметом обожания молодого парижанина. Чудеса (волшебное зеркало, где Робер с ужасом созерцает свою прежнюю невесту, которая без зазрения совести изменяет ему со

светским хлыщом) соединяются с изложением доктринальных тезисов. Робер отправляется в Америку по вызову больного дядюшки; это повод для рассказа об американском спиритуализме и об экспериментах его приверженцев, включая левитацию. Богатый дядюшка, поначалу прагматик и материалист, на краю могилы претерпевает обращение и становится приверженцем учения.

«Как вам известно, именно на американской земле, где безраздельно царит материализм, впервые заявили о себе трансцендентные феномены, порожденные психическими силами; эти проявления открыли глаза думающим людям, которые не отворачиваются при виде света. А затем, в силу естественной, но и, несомненно, провиденциальной реакции, материалистический Новый Свет сделался колыбелью современного спиритуализма. Соединившись с сокровенными учениями нашей древности, эта доктрина раскрыла для нас всё то, что предошущали уже наши предки» [Grimard: 107].

Автор романа стремится отмежеваться от характерных для массового чтения нарративных эффектов (таких, как любовь с первого взгляда [Grimard: 25-26]), но, по существу, далеко от них не уходит; так, внешность Веледы (ее формы напоминают о Венере Милосской) сработана по лекалам популярного романа. Роман завершается, как и следовало ожидать, духовным союзом Робера и Веледы. Унаследованное от американского дядюшки состояние использовано для реставрации замка, где расширившаяся благодаря Роберу семья Эрнадек устраивает странноприимный дом. Эта филантропическая развязка, на наш взгляд, заставляет вспомнить идеологию «Парижских тайн» Сю.

В «Семье Эрнадек» присутствует совершенно отчетливая пропагандистская направленность; в ещё одном раритетном произведении «прекрасной эпохи», а именно в «магическом романе» (авторская дефиниция) Жана Ришпена «Лажибас» (1900), авторский «message» не столь очевиден. Опыт Ришпена (1849–1826) кажется тем более примечательным, что именно этот писатель был выведен Умберто Эко в качестве одной из эмблематических фигур «буржуазного» этапа в развитии популярного романа [Эко: 104]. «Лажибас» предстает как еще более оригинальная, нежели «Семья Эрнадек», попытка соединить стереотипы популярного нарратива с эзотерической проблематикой. Но чем дальше, тем больше роман Ришпена начинает напоминать (скорее всего, невольную) пародию на «Философские этюды» Бальзака [Sutton: 276], замешанную на идеях Пеладана и Гюисманса. Как и в «Семье Эрнадек», в «Лажибасе» присутствуют черты традиционного готизма (по мере развития сюжета готическая атмосфера всё больше перерастает в сказочную). Вполне готичен старин-

ный родовой замок, принадлежащий главному герою – выходцу из древнего рода, студенту-философу Валантену де Лажибас. Прибыв в Париж, он подпадает под влияние троицы оккультистов: обладающего сверхъестественными способностями (включая левитацию и гипноз) аббата Гарюби, «похожего на архангела» [Richepin: 36] поляка Ладисласа Вронского и студента-медика Проспера Броге. Роман может быть истолкован не только как путь духовной инициации Валантена (который прямо говорит о себе: «моя область – область абсолюта» [Richepin: 148]), но и как история постепенной утраты им рассудка. Тривиальный любовный сюжет у Ришпена подвергается выпяченному трансцендированию: Валантен вступает в телепатическую связь с умственно и физиологически отсталой шестнадцатилетней Зенаидой, продуктом смешения древних рас (кельтской и тамульской). Влюбленные сбегают из дома совершенно парализовавшего их волю аббата в замок Лажибас; Валантен видит себя прекрасным Принцем, пробуждающим к жизни Спящую красавицу, однако в итоге под гипнотическим воздействием аббата убивает Зенаиду и гибнет сам; аббат читает у их тел заупокойную молитву. Как и следовало ожидать, «китчевая» трактовка оккультизма у Ришпена включает в себя и неперенные индийские атрибуты (в том числе преследующий главного героя сакральный звук «Аум»). Некоторая заторможенность, эссеистичность «Лажибаса» роднит роман не только с «Семьей Эрнадек», но и с уже упоминавшейся прозой Пеладана; вообще на этом произведении Ришпена лежит вполне определенная печать эстетики декаданса.

Совершенно иная интонация определяет собой «парижский роман» (авторская дефиниция) «Спирита» (опубликован под именем E. Nucher, 1887). Пресса сообщала, что в конце лета 1887 года эта книга стала модным чтением²; обозреватели достаточно единодушно сочли автором «Спириты» некую вхожую в спиритические кружки молодую особу, а саму книгу восприняли как роман с ключом и антиспиритический памфлет. В настоящее время роман приписывается Эжену Юше (1814–1889), историку и эрудиту, мастеру витражей и нумизмату, директору археологического музея в городе Ле Ман; неуверенность стиля, которой рецензенты давали гендерное объяснение³, может быть связана с отсутствием у автора писательского опыта. В центре сюжета – реально существовавший на парижской улице Св. Роха салон, который отчасти функционировал и как клуб галантных знакомств.

Интересно, что название книги воспроизводит название изысканной психологической повести Теофиля Готье (1865; авторская жанровая аттестация – «nouvelle fantastique»), которая оказала влияние и на уже упоминавшийся роман Л. Энника «Харак-

тер». Во многом именно влиянием Готье объясняется интерес Юше к русской теме, причем в романе 1887 года усилена ее трафаретная, клишированная составляющая. Если принадлежащая к «высокой» романтической прозе «Спирита» Готье окрашена мистицизмом (подробное воссоздание загробного опыта героини), то роман Юше прежде всего претендует на документальную точность. В книге присутствуют некоторые черты детективного нарратива в сочетании с мелодраматическими и чувственными эпизодами, вообще характерными для салонного массового чтения. Хотя в кругах спиритов «Спирита» вызвала возмущение, автор с большим пиететом относится к Кардеку и в предисловии к своему роману подчеркивает: «...мы считаем своим долгом признать, что благодаря *неопровержимым доказательствам* убеждены в непреложном существовании тайны, чего-то необъяснимого» (выделено автором. – К. Ч.). В то же время Юше не исключает, что в дальнейшем прогресс цивилизации продемонстрирует химеричность спиритизма. Заключительная часть предисловия заставляет вспомнить Верна и Фламариона: здесь речь идет об «электричестве мысли» и о флюидах как вполне материальном явлении [Hucher: VI].

Главная героиня второй «Спириты» – хищная авантюристка под личиной респектабельной хозяйки спиритического салона Эрмини де Гарансьер; главный герой – молодой и пригожий, чрезвычайно богатый русский князь Пьер Шеретьев; изначально он скептик и агностик, едва ли не духовный наследник лермонтовского Печорина. В то же время, в соответствии со стандартами изображения русских во французской массовой литературе, русская душа непременно тяготеет к иррациональности и мистике; следуя этой логике, Шеретьев приходит к спиритизму (который, на фоне деятельности Блаватской, преподносится здесь как отчасти русское явление). Большое внимание в книге уделено разоблачению авантюристов и шарлатанов от спиритизма; противостояние истинного и ложного спиритизма – ключевая тема книги. Указывается, что «религия спиритов чрезвычайно сильно притягивает чувствительные души» [Hucher: 5]; соответствующая доктрина представлена одновременно и как новая универсальная религия, и как чрезвычайно древнее учение, позволяющее человеку установить «осязаемые связи с Бесконечным Духом» [Hucher: 32].

Автора романа мало интересуют доктринальные моменты спиритического учения – он живописует прежде всего вращение спиритизма в быт. Достаточно подробно описано столоверчение; это обстоятельство, наряду с аналогичными эпизодами в романе А. Блэна (см. ниже), позволяет поставить под сомнение тезис К. Марекайля: «литература до 1900 года поч-

ти не касается вращающихся столиков» [Marécaille: 237]. Не обойдены вниманием и политические аспекты спиритизма (к нему в романе прибегают важные государственные мужи для решения вполне прагматических задач).

Одна из героинь получает послание с того света, подписанное Эженом Сю; деталь, символичная с точки зрения присутствия в книге традиции популярного романа и подкрепленная в дальнейшем упоминанием одного из персонажей «Парижских тайн», отвратительной старухи по прозвищу Сычиха. Связь с «фельетонной» традицией просматривается и на уровне портретирования персонажей – в еще большей степени, нежели в «Семье Эрнадек»; портрет чувственной и циничной простолоудинки Розы Дерваль (ее девиз: «стать княгиней или умереть») полностью основан на стандартных топосах (включая ровные белые зубы и изящные формы). Некоторые существенные для оккультного нарратива мотивы приобретают в контексте романа приземленный смысл: так, Роза имитирует летаргический сон ради оболешения Шеретьева.

Читатель не сразу понимает, что название «Спирита» следует на самом деле относить не к мошеннице Эрмини де Гарансьер, а к ее племяннице, добродетельной Люси, постепенно выдвигающейся на первый план повествования. Именно Люси наделена настоящими медиумическими способностями; сердце ее пленяет Шеретьев, однако спирита театрально умирает от чахотки прямо на руках у возлюбленного. Происходит это непосредственно перед стеной, опоясывающей кладбище Шато в Ницце (в массовой литературе «прекрасной эпохи» столица Лазурного берега представала как город греха). Порок, тем не менее, наказан: тетка Люси кончает с собой, а Роза становится морфинисткой. Мораль романа кратко сформулирована Шеретьевым следующим образом: «...спиритизм – возвышенное учение... но некоторые из тех, кто провозгласил себя его апостолами, недостойны ни малейшего уважения... Там, где находят себе прибежище авантюристы и куртизанки, благородному человеку делать нечего» [Hucher: 223].

Оккультизм и спиритизм оказались особенно востребованными в рамках той продукции «прекрасной эпохи», которую современники именовали «романом научных чудес» («roman merveilleux scientifique») и которая, с нашей точки зрения, может быть отождествлена с протонаучной фантастикой [Чекалов 2022: 72]. Сказанное относится как к произведениям на бытовую тему, так и к обширному пласту романов и новелл о космических путешествиях.

Примером интеграции спиритических мотивов в первую из указанных категорий «научно-чудесного» нарратива может служить роман Альбера Блэна «Спирит поневоле» (1895). Блэн (1852–1905),

литератор и физик, преподаватель лицея в городе Анже, в романе «Электрический Вавилон» (1888) отдал дань весьма популярной во французской массовой литературе «фее электричества»; в романе «Всё меньше и меньше» (1893) – не менее распространенной в период «прекрасной эпохи» увлекательной игре с макро- и микромиром, а в романе «Ювенильная вода» (1900) – стародавней мечте человечества о «средстве Макропулоса». Что касается «Спирита поневоле», то в этой книге доминирует ироничная интонация, хотя ценность практического спиритизма полностью не отвергается. Главный герой романа, химик-позитивист, довольно определенно высказывает свое отношение к соответствующим экспериментам: «личности, способные вращать столики и записывать слова духов, всего лишь находятся под воздействием особого рода гипноза, их действия носят бессознательный характер. С этой точки зрения такого рода опыты, как мне кажется, достойны серьезного изучения. Вот почему я никогда не пренебрегаю участием в собраниях спиритов. Там можно открыть для себя новые факты, увидеть чрезвычайно интересные гипнотические проявления» [Bleunard: 6].

Блэнар приводит очень подробное и неспешное описание спиритических сеансов, вскрывает механизмы мошенничества, сетует на обилие шарлатанов от спиритизма: «...сколько ложных спиритов мне довелось увидеть, начиная с тех, кто заставляет появиться светящиеся руки в темноте – при помощи фосфоресцирующего масла; кто заставляет вращаться столики при помощи спрятанных в деревянной столешнице пружин – и вплоть до тех, кто пользуется шкафом Давенпорта» [Bleunard: 28]. (Имеется в виду важный элемент инструментария иллюзионистов – шкаф с потайным ящиком, сконструированный братьями Айрой и Уильямом Давенпорт и впервые представленный парижской публике еще в 1865 году; дело закончилось скандалом – братьев уличили в мошенничестве; Жорж Мельес в 1902 году посвятил этому шкафу короткометражный фильм.)

Внимание писателя привлекает и еще один популярный в его время феномен – спиритическая фотография (английский ученый Уильям Крукс в 1870-х годах провел ряд экспериментов в данном направлении, участвуя в спиритических сеансах известного медиума Флоренс Кук; он полагал, что не только наблюдал появления духов, но и получил их достоверные фотоснимки – в частности, некоей Кэти Кинг, она же Энни Морган, то есть якобы дочери легендарного пирата XVII века). У Блэнара европейский спиритизм неотделим от факирических практик: его герои пытаются разгадать тайну удивительного артефакта, а именно волшебного холста, который от сырости начинает светиться и который способен запечатлевать фотоснимки в темноте. Чисто

научный подход к артефакту (лабораторный анализ нанесенной на холст загадочной субстанции) не дает никаких результатов; герои принимают решение отправиться в Индию и отыскать факира по имени Нарайана, подарившего холст их соотечественнику.

Перед читателем разворачиваются живые зарисовки Калькутты, Мадраса и пещер Карли; черты романа-расследования соседствуют с дозированным туристическим нарративом (который включает в себя и такой элемент восточной экзотики, как танцы баядерок). Спиритизм всё более ощущается как загадочная, несущая несчастья сила; Нарайана ни за какие деньги не соглашается выдать свои секреты, так что европейцы вынуждены пойти на воровство – они крадут у него склянку с волшебным ликером, тем самым обрекая себя на грядущие несчастья. По возвращении в Париж герои получают возможность убедиться в чудодейственных свойствах зеленой жидкости, однако надежды на использование ее в качестве инструментария спиритических сеансов не сбываются: жидкость по ошибке выпивает слуга, перепутав ее с абсентом.

Заметно, что Блэнара совершенно не интересует истинный состав индийского зелья: его внимание сосредоточено на самой возможности внедрения факирической мудрости в спиритические практики, которые всё больше предстают как инструмент манипулирования публикой и источник театральных эффектов. Тайна, раскрытия которой с нетерпением ждет читатель, остается неразгаданной. Загадочные артефакты (холст и наносимая на него зеленая жидкость) предстают как самоценный, обеспечивающий нарративный *suspens* аттракцион.

Другой образец соединения европейских научных достижений и восточных духовных практик представлен в романе еще менее известного, чем Блэнар, Пьера Ферреоля (настоящее имя – Жорж Фредерик Оспиталье, 1849–1923) «Никелированный человек» (1897): старый ученый с колоритным «верновским» именем Непомуцен Грийар, отдавая себе отчет в собственном угасании, вводит себя в состояние своеобразной гибернации, на манер факиров вызывает полную остановку своих жизненных функций, а затем прибегает к методике гальванопластики – погружается в ванну и покрывает себя слоем никеля⁴. Непомуцен оставляет записку, в которой предписывает своим помощникам по истечении шести месяцев снять с него металлический слой и удостовериться в том, жив он или мертв.

Нельзя сказать, чтобы данная технология являлась в конце XIX века абсолютно новаторской; однако Ферреоль искусно монтирует ее с методами баллазамирования, которые применялись французским врачом Гастоном Варьо с 1890 года, то есть являлись вполне актуальными в момент написания рома-

на. Фактически Варьо являлся создателем «гальванической антропопластики», технологии металлизации мертвых тел; Ферреоль распространяет ее на находящееся в состоянии каталепсии живое тело. Непомучен трансформируется в металлическую статую, которая в романе функционирует как художественный артефакт, трактуется как гениальное произведение неведомого скульптора; нарратив сильно кренится в сторону иронического детектива (одна из глав романа именуется «Детектив fin de siècle»). Сыщик Розамур, при всей буффонности этого образа, всё же в конечном итоге приходит к разгадке «статуи». Снятие металлического слоя с Непомучена происходит публично, превращается в увлекательное светское мероприятие; финал напоминает новеллу Эдгара По «Ты еси муж, сотворивый сие!» (1844) и в то же время предвосхищает эстетику гиньоля: «В зале царил неясный шум... Все встали, пораженные диковинным зрелищем, как вдруг – подобно доспехам, что распадутся и грохнутся оземь – никелевая оболочка стала трескаться; призрак выпрямился на своем ложе. Он являл собой жуткое зрелище: вылезшие из орбит глаза, почерневшая кожа под металлической чешуей, которая спадала наподобие струпьев у прокаженного. Он простер руки вперед, издал пронзительный вопль и низвергнулся на красный бархатный ковер; на сей раз он умер уже окончательно» [Ferreol: 142].

«Сомнамбулизм, гипнотизм, месмеризм, внушение, каталепсия» в романе представлены единым «пакетом»; их манифестации предельно сближены с цирковыми трюками. Как и многие публиковавшиеся в виде фельетона «романы научных чудес», «Никелированный человек» становится важным инструментом редакционной политики адресованного широкой аудитории журнала «La Science Française» (роман печатался здесь с февраля по сентябрь 1897 года), направленной на рост числа подписчиков.

Как уже говорилось, спиритические и оккультные мотивы занимают весьма существенное место и в том регистре научно-чудесного нарратива, который можно было бы назвать космической протонаучной фантастикой (произведения Андре Лори, Жана де Ла Ира, Гюстава Леруа и других, менее известных авторов). Мы не обращаемся здесь к соответствующим произведениям – они достаточно подробно проанализированы в наших предыдущих работах [Чекалов, 2022; Чекалов, 2024]. Отметим лишь, что именно в романах указанных писателей (особенно в «Сверкающем колесе» Ла Ира) интересующий нас материал приобретает наиболее декоративный характер, а сенсационные аспекты спиритизма явно преобладают над его доктринальными параметрами. Та же установка очевидным образом просматривается и в массовом чтении послевоенного периода, хотя сохраняется и ставшее уже привычным в «прекрасную эпоху» бичевание

и развенчание шарлатанов от спиритизма («Руки Орлака» Мориса Ренара, опубл. 1920; «Душа полуночи» Мориса Левеля, 1923) [Marécaille: 226–227].

Примечания

¹ Jollivet Castellot F. Hermétisme et spiritualisme. *La Plume*, 15.10.1899, p. 689.

² Chez l'éditeur. *La Vie moderne*, no. 37, 10.09.1887, p. 13.

³ Le Roux, Hugues. *La Vie à Paris. Le Temps*, 15.10.1887, p. 2.

⁴ Тема гальванопластики оказалась востребованной во французской фантастике; пример – эффектный эпизод из романа Пьера Бенуа «Атлантида» (1919), одной из вершин массовой литературы первой половины XX века.

Список литературы

Ахмедова Э.Т. Спиритический сеанс в литературе Великобритании второй половины XIX – начала XX века // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2017. Т. 17, № 3. С. 312–315.

Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. *Russian literature of the early 20th century and the occult*. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 560 с.

Чекалов К.А. Протонаучная фантастика и становление жанровой номенклатуры французской массовой прозы // *Вестник Костромского государственного университета*, 2022, Т. 28, № 1. С. 77–84.

Чекалов К.А. Марсианские хроники «прекрасной эпохи» // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 174–182.

Эко У. *Superman для масс. Риторика и идеология народного романа*. Москва: Слово, 2018. 248 с.

Andrea P.D'. *Le spiritisme dans la littérature de 1865 à 1913: perspectives européennes sur un imaginaire fin-de-siècle*. Paris, Champion, 2014, 618 p.

Bleunard A. *Le Spirite malgré lui*. Paris, Boulanger, 1895, 122 p.

Chaperon D. *Camille Flammarion. Entre astronomie et littérature*. Paris, Imago, 1998, 212 p. URL: <https://books.google.bg/books?id=u-7dDQAAQBAJ&pg=PT18&dq=Chaperon+D.+Camille+Flammarion.++transcender+toutes+les+sciences&hl=ru&newbks=1&newb>

Cuchet G. *Le retour des esprits, ou la naissance du spiritisme sous le Second Empire*. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 2007, no. 2, pp. 74–90.

Dazur V. *Le Régiment fantastique*. Bruxelles, Paris, Lacroix, 1868, 446 p.

Flammarion C. *Préface*. Fabart F. *Histoire philosophique et politique de l'occulte: magie, sorcellerie, spiritisme*. Paris, Marpon et Flammarion, 1885, pp. 3–8.

Gasparin A. de. Les tables tournantes. Paris, C. Lévy, 1888, 303 p.

Gibier P. Le Spiritisme (fakirisme occidental): étude historique, critique et expérimentale. Paris, O. Doin, 1887, 398 p.

Grimard É. La Famille Hernadec. Paris, P.G. Leymarie, 1900, 181 p.

Marécaille Ch. Le roman spirite: le paranormal en littérature. Le Rocambole, 2019, no. 86-87, pp. 223-252.

Marécaille Ch. Le roman spirite: le paranormal en littérature (2 partie). Le Rocambole, 2019, no. 88-89, pp. 259-292.

Prieur J. L'Europe des médiums et des initiés: 1850-1950. Paris, F. Lanore - F. Sorlot, 1994, 384 p.

Richepin J. Lagibasse. Roman magique. Paris, Fasquelle, 1900, 352 p.

Sutton H. The Life and Work of Jean Richepin. Genève, Paris, Minard, Droz, 1961, 339 p.

References

Ahmedova Je.T. *Spiriticheskij seans v literature Velikobritanii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [A Spiritual Seance in British Literature of the late XIX - Early XX Centuries]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [News of Saratov University. Series: Philological. Journalism], 2017, vol. 17, no. 3, pp. 312-315. (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Russkaja literatura nachala XX veka i okkul'tizm*. [Russian literature of the early twentieth century and the occult]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 560 p. (In Russ.)

Chekalov K.A. *Protonauchnaja fantastika i stanovlenie zhanrovoj nomenklatury francuzskoj massovoj prozy* [Protoscience fiction and Formation of the genre nomenclature in french Paraliterature]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, no. 1, pp. 77-84. (In Russ.)

Chekalov K.A. *Marsianskie hroniki «prekrasnoj jepohi»* [Martian Chronicles of the Belle Époque]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [News of Saratov University. Series: Philological. Journalism], 2024, vol. 24, no. 2, pp. 174-182. (In Russ.)

Eko U. *Supermen dlja mass. Ritorika i ideologija narodno romana* [Superman for the masses. Rhetoric and ideology of the popular novel]. Moscow, Slovo Publ., 2018, 248 p. (In Russ.)

Andrea P.D'. Le spiritisme dans la littérature de 1865 à 1913: perspectives européennes sur un imaginaire fin-de-siècle. Paris, Champion Publ., 2014, 618 p.

Bleunard A. Le Spirite malgré lui. Paris, Boulanger Publ., 1895, 122 p.

Chaperon D. Camille Flammarion. Entre astronomie et littérature. Paris, Imago, 1998, 212 p. URL: <https://books.google.bg/books?id=u-7dDQAAQBAJ&pg=PT18&dq=Chaperon+D.+Camille+Flammarion.++transcender+toutes+les+sciences&hl=ru&newbks=1&newb>

Cuchet G. Le retour des esprits, ou la naissance du spiritisme sous le Second Empire. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 2007, no. 2, pp. 74-90.

Dazur V. Le Régiment fantastique. Bruxelles, Paris, Lacroix Publ., 1868, 446 p.

Flammarion C. Préface. Fabart F. Histoire philosophique et politique de l'occulte: magie, sorcellerie, spiritisme. Paris, Marpon et Flammarion Publ., 1885, pp. 3-8.

Gasparin A. de. Les tables tournantes. Paris, C. Lévy Publ., 1888, 303 p.

Gibier P. Le Spiritisme (fakirisme occidental): étude historique, critique et expérimentale. Paris, O. Doin Publ., 1887, 398 p.

Grimard É. La Famille Hernadec. Paris, P.G. Leymarie Publ., 1900, 181 p.

Marécaille Ch. Le roman spirite: le paranormal en littérature. Le Rocambole, 2019, no. 86-87, pp. 223-252.

Marécaille Ch. Le roman spirite: le paranormal en littérature (2 partie). Le Rocambole, 2019, no. 88-89, pp. 259-292.

Prieur J. L'Europe des médiums et des initiés: 1850-1950. Paris, F. Lanore - F. Sorlot Publ., 1994, 384 p.

Richepin J. Lagibasse. Roman magique. Paris, Fasquelle Publ., 1900, 352 p.

Sutton H. The Life and Work of Jean Richepin. Genève, Paris, Minard, Droz Publ., 1961, 339 p.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 10.01.2025.

The article was submitted 07.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 10.01.2025.